

ТВОРЧЕСТВО А. П. ЧЕХОВА В ОЦЕНКЕ И. С. ШМЕЛЕВА

© 2005 С.Н. Гладышева

Воронежский государственный университет

Обращение И. С. Шмелева к творчеству А. П. Чехова – не случайность, а скорее закономерность. И. С. Шмелев – один из ярких представителей первой волны эмиграции, отличительной чертой которой стало желание сохранить Россию вне России. Слова Р. Гуля “Мы не покинули Россию, мы унесли ее с собой” стали лейтмотивом творчества многих писателей и публицистов. Для эмиграции первой волны характерно внимательное и бережное отношение к наследию русской культуры. Задача его сохранения и преумножения рассматривалась эмигрантами как почетная миссия. Строка из “Лирической поэмы” молодой поэтессы Н. Н. Берберовой – “мы не в изгнании, мы в послании” – с легкой руки З. Н. Гиппиус стала общеэмигрантским лозунгом. На страницах многочисленных периодических изданий русского зарубежья особое внимание уделялось наследию отечественной литературы. В частности, писатели и критики эмиграции часто обращались к творчеству А. П. Чехова. Среди них – Г. В. Адамович, И. А. Бунин, М. А. Каллаш, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев и др.

Стоит отметить, что сам факт эмиграции, положение церкви на родине определили пристальное внимание изгнанников к проблемам религии, осознанию важной роли православной церкви в сохранении национального и культурного единства. Православная церковь стала духовным стержнем русской эмиграции.

Творчество И. С. Шмелева, по признанию К. Бальмонта, “самого русского из писателей”, в годы эмиграции все больше окрашивается религиозным чувством. И художественные произведения, и публицистика его пронизаны поисками путей возрождения России, которое мыслится им только на религиозной основе. В прошлом России, в православии, в душевной чистоте отдельной личности он видит залог грядущего возрождения родины. Мировоззрение И. С. Шмелева определило взгляд на А. П. Чехова прежде всего как религиозного писателя.

Следует отметить, что в шмелевском чеховедении продолжается определенная традиция, начатая философом С. Н. Булгаковым. В 1904 году он выступил с публичной лекцией “Чехов как мыслитель”, в которой отметил, что общее содержание творчества писателя посвящено “исканию правды, Бога, души, смысла жизни” [1, 542]. По мнению Булгакова, в произведениях Чехова отразились “русское искание веры, тоска по высшему смыслу жизни, мятущееся беспокойство русской души и ее больная совесть”.

В 1911 году в развитие этой традиции появилась статья А. А. Измайлова “Вера или неверие? (Религия Чехова)”, в которой автор утверждал: “Страстная жажда Бога и веры жила в нем [Чехове. – С. Г.], заставляла его думать о Боге, Христе и бессмертии и оставлять следы этих дум в книгах” [1, 902].

В эмиграции традицию рассматривать Чехова как религиозного писателя подхватила М. А. Каллаш (псевдоним – М. Курдюмов), постоянный автор религиозно-философского журнала “Путь”. В 1934 году в Париже вышла ее книга о Чехове “Сердце смятенное”, в которой творчество писателя анализируется через призму его религиозного подсознания. М. А. Каллаш отмечает своеобразное раздвоение Чехова: “в своем мировоззрении писатель соответствовал атеистическим взглядам эпохи, а в творчестве выразил основную стихию русской души – богоискательство” [2, 236].

В публицистическом наследии И. Шмелева – две статьи о творчестве Чехова, опубликованные в авторитетной эмигрантской газете “Русская мысль”, с которой он активно сотрудничал в последние годы своей жизни. Первая статья “Творчество А. П. Чехова”, написанная в 1945 году, была опубликована в 1952 году, уже после смерти писателя; вторая – “Мисюсь” и “Рыбий глаз”. Письмо о русских женщинах – написана и опубликована в 1947 году.

Непосредственным поводом для создания статей послужила возможность составить сборник чеховских произведений для швейцарского издательства и снабдить его предисловием. Сборник вышел в 1946 году в Цюрихе на немецком языке и включал отобранные Шмелевым произведения Чехова: “Палата № 6”, “Дама с собачкой”, “Скучная история”, “Студент”, “В овраге”, “Святой ночью”, “Свирель”, “Степь”, “Мишусь” (так был назван рассказ “Дом с мезонином”). Заметим, что это близкие писателю по духу произведения, в которых предстает духовный мир людей, охваченных мучительными поисками правды жизни. В своих статьях И. С. Шмелев углубляет традицию рассматривать Чехова как религиозного писателя, значительно расширяет контекст обсуждения его творчества. Он настаивает на видении и понимании чеховского наследия в “русле духовного русского потока”, первоисток которого — русская духовная сущность, русская душа. Главная особенность русской культуры видится ему в ее истоке — крещении в православие.

Шмелев считает нужным обозначить для иностранного читателя противоречивость русской души. С одной стороны, для нее характерна склонность к созерцанию, с другой — страстность, метания от “Светлого Града” к Аду. По мнению писателя, это одновременно “душа художника и юрода, смиренника и дерзателя, подвижника и грешника” [3, 543]. Главная особенность русской души видится Шмелеву в ее удивительной восприимчивости: “и если полюбит что, если во что поверит, — крепко запечатлеет это, отдаст себя за это безоглядно” [3, 543]. “Вечные загадки”, универсальные: о Боге, о смысле жизни, о бытии, о Зле как грехе, о счастье “близки русской душе, главное в ее мироощущении: русский человек, как бы он ни был духовно ограничен, всегда таит их в душе, любит об этом слушать и говорить. Эти вопросы-тайны — его прирожденная основа” [3, 548]. Основа эта, по мнению Шмелева, “питает национальную литературу, спаивает ее с народной *правдой*” [3, 548]. В этой статье автор по сути дела формулирует свое творческое кредо, свой взгляд на задачи отечественной словесности. “Русская литература, — утверждает он, — не любование “красотой”, не развлечение, не услужение забаве, а именно *служение*, как бы религиозное служение” [3, 548]. По мнению Шмелева, вся русская литература в основе своей направлена на поиски Града Божия на земле, вся она, исшедшая из духа народного, пронизана “алканием жития праведного”.

Чехов для Шмелева — один из великих русских писателей, очерчивающий своими произведениями большую дорогу русской литературы.

Шмелев очень точно выявляет причины непонимания творчества Чехова его современниками: “В 80–90-х годах прошлого века читатель требовал от писателя не свободного творчества, а, главным образом, ответов на вопросы общест-венности, хотел видеть в писателе, прежде всего, *трибуну*” [3, 548]. Автор статьи тонко чувствует стремление Чехова-писателя не навязывать читателю своей точки зрения. По признанию Шмелева, Чехов “не потрясал, не воспламенял, не учил. Он только рассказывал, с юмором или нежной грустью, касался чего-то неясного в душе, что-то напоминал забытое..”. [3, 542]. Шмелеву важно показать, что писатель “остался самим собой, верный тайникам своей совести, художественной правде, черпавшей из народной *правды*. <...> Чехова не подчиняют своему капризу ни мода, ни “программы”. “Он не отзывался на “злобу дня сего”; он созерцал глубины жизни, вечные глубины” [3, 548].

Отмечая несозвучность творчества Чехова “революционно-шумному” времени, Шмелев пишет, что после событий октября 1917 года писатель “совсем выпадает из смятенной жизни, почетно покоится в истории литературы” [3, 542]. В Советской России “он, будто, уже лишний, непонятный”, поскольку “слишком он “неактивен”, слишком целомудрен, тонок и нежно-грустен” [3, 542].

Важно отметить, что одним из качеств, определяющих творчество Чехова, Шмелев считает трагикомизм его произведений. Он замечает, например, что взаимное непонимание народа и “господ” Чехов изображает “с тонким юмором, в котором слышится трагическая нота” [3, 546]. В рассказе “Новая дача”, — замечает критик, — “обе стороны смешно не понимают друг друга, — в этом-то и трагическое, и горечь, и из соседской жизни получается мучительное — и смешное! — недоразумение, при общем желании жить “по правде” [3, 546].

По мнению Шмелева, главные темы творчества Чехова — “о Грехе-Зле, о распаде жизни через Зло-Грех, о страдании” [3, 549]. “В овраге”, “Палату № 6” он называет рассказами “глубокого *воздыхания*”. Анализируя первый рассказ, Шмелев отмечает, что “в этом человеческом “овраге” все же не угасает *свет*: “и тьма не объяла его”. Верный народной правде, Чехов — рационалист-то! — дает чарующий образ Липы, весь созданный из света. <...> Кроткую, ввела ее жизнь в “овраг” этот, в эту кромешную тьму, где змея-грех убила ее ребенка” [3, 549].

По признанию Шмелева, глава VIII этого рассказа может по праву занять одно из первых мест в мировой литературе. “Незабываемы страницы, когда кроткая Липа, у которой змея-грех

вырвала сердце, — ошпарила кипятком ее первенца-младенца, несет маленького покойника, одна, в ночной глухой степи, когда вся степь поет всеми ночными голосами торжество безучастной к человеческому горю природы:

“...Она глядела в небо и думала о том, где теперь душа ее мальчика: идет ли следом за ней, или носится там вверху, около звезд, и уже не думает о своей матери? О как одиноко в поле ночью, среди этого пения, когда сам не можешь петь, среди непрерывных криков радости, когда сам не можешь радоваться, когда с неба смотрит месяц, тоже одинокий, которому все равно...” [3, 550].

Автор статьи обращает внимание на то, что писатель находит выход из “оврага” “в отходе от греха-зла. Липа из “оврага” выбралась, она снова в труде и бедности, но она *свободна*; она, как вешний жаворонок, опять поет:

“...Шли бабы и девки толпой со станции, где они нагружали вагоны кирпичом... Они пели. Впереди всех шла Липа и пела тонким голосом, и заливалась, глядя вверх на небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава Богу, кончился, и можно отдохнуть” [3, 550]. Большие цитаты из рассказа нужны Шмелеву, чтобы продемонстрировать возможность освобождения от “оврага” жизни, возможность прорваться к “небу”. Ценно еще одно замечание критика: “небо” у Чехова почти всегда *поднимает*, освобождает человека, дает выход. Всегда у него “земля” связана неразрывно с “небом”, — глубоко национальная черта” [3, 550].

Шмелев считает, что произведения Чехова при их внимательном прочтении (критик уверен, что читать Чехова нужно вникающим сердцем! — тогда многое откроется) обнаруживают в авторе не рационализм, не атеизм, а прежде всего религиозность. Еще одно подтверждение этому Шмелев видит в “Скучной истории”, главный герой которой, знаменитый профессор Николай Степанович, “верующий лишь в науку, в конце жизни сознает полную свою беспомощность, душевное свое банкротство. <...> ...Он так и не удосужился найти “общую идею, или то, что называется Богом живого человека” <...> тогда что же есть? Пустота, прах”. По мнению Шмелева, “*правда жизни* дает за себя отмщение” [3, 551]. Автор статьи показывает, что правда жизни требует к ответу и героя “Палаты № 6” доктора Рагина — позитивиста, рационалиста, создавшего своеобразную “философию”, укрывавшую его от правды жизни. “Палата номер 6, страшное место мучений, где над умалишенными властвует кулачищами вечно пьяный Никита, глотает и самого доктора, жестоко кончает с ним” [3, 551], — замечает Шмелев.

В повести “Степь”, где Чеховым выведена “целая вереница лиц, целая галерея душ, простых, косноязычных, выброшенных в “степь” жизнью”, Шмелев обращает внимание читателя на то, что и здесь присутствует религиозный подтекст, поскольку “в этих людских “огрызках”, — *душа — правда*, разлитая повсюду грусть... грусть о несбывающемся, о *чем-то*, чего, бессознательно, все ждут, — как ждет и самая “степь”, как благодати, — какая гроза дана! — и что не приходит... Придет ли?” [3, 551].

Характерно, что статья “Творчество А. П. Чехова” заканчивается анализом рассказа “Дом с мезонином”. Шмелев видит в чеховских героинях — сестрах Лиде и Мисюсь — как бы “две двигающихся силы в жизни” и указывает на глубокий библейский символ — Два Древа. Одна — острый терпкий плод от “древа познания”; другая — сама естество, от “древа Жизни”. По мысли Шмелева, Чехов показывает, что Мисюсь “отнята у целой жизни, что по ней-то и томится жизнь, что в ней-то и есть самая живая правда, без чего жизнь — не жизнь, а томительное снование. <...> Рассудочно-хладной “Лидой” отнята вся поэзия у жизни, самое Небо отнято, самая вера в Бытие отнята, в душу свободную, в творящее жизнь *живое сердце*. У целого мира отнята большеглазая “Мисюсь”, куда-то увезена, упрятана...” [3, 552]. Шмелев считает, что именно в этом рассказе Чехов, при всей, порой, смятенности душевной, раскрывается и дает читателю почувствовать, “во что он глубинно *верит*:

“Я уже начинаю забывать про дом с мезонином и лишь изредка, когда пишу или читаю, вдруг ни с того ни с сего припомнится мне то зеленый огонь в окне, то звук моих шагов, раздававшихся в поле ночью, когда я, влюбленный, возвращался домой и потирал руки от холода. А еще реже, в минуты, когда меня томит одиночество, и мне грустно, я вспоминаю смутно, и мало-помалу мне почему-то начинает казаться, что обо мне тоже вспоминают, меня ждут, и что мы встретимся... Мисюсь, где ты?” [3, 552].

Любопытно, что вторая статья Шмелева о творчестве Чехова стала ответом читателю-иностранцу на вопрос, чью правоту признает автор в рассказе “Мисюсь” — Лиды или ее сестры? Шмелев, отчетливо понимая, что читать Чехова “немалое искусство, особенно для читателей нерусских”, еще раз разъясняет позицию писателя, свое видение его творчества. И вновь у Шмелева активно звучит религиозный подтекст разговора о русской литературе, национальном типе женщин, произведениях Чехова. Он отмечает, что “русская женщина” — у иностранцев — получает значение особливости — душевной сложности, загадочности, неопределенности <...> и это сви-

детельствует о наличии *чего-то*, еще не понятного, не узнанного, что *вне* привычных мерок” [3, 558]. Этим особенным, “чем-то” Шмелев считает “творчество жизни сердцем”, предназначенье русской женщины – “осветить и обновить Жизнь <...> освятить ее” [3, 558]. “Это заветное, – подчеркивает критик, – таится и в большой литературе нашей в искании нами Идеала. Мы не миримся с привычным сущим, мы ждем и – *ищем*” [3, 558]. Власть русской литературы, по мнению Шмелева, заключается в том, что “она зовет к священному творчеству жизни, показывая созидательные силы. Творит разумом сердца, творит даже через этих “Мисюсь” – полудетей” [3, 559]. Шмелев сравнивает таких, как “Мисюсь”, с евангельской Марией, “они живут в себе, внутренним созерцанием, и это внутренне, без думы о нем даже, проводят в жизнь. И этим живут ее” [3, 559].

Несомненно, в статьях о творчестве Чехова Шмелев верен своим религиозным воззрениям. Он прежде всего говорит о душе Родины, о ее стремлении к Христовой правде. Такое движение, пусть не явное, не открытое, он замечает в произведениях Чехова. “...Врач, рационалист, к религии, внешне, как будто равнодушный, он целомудренно-религиозен – он – *свой* в области

религиозных чувствований, – утверждает Шмелев. – “Невер”, воспевающий гимн – “науке, как единственной в мире истине и единственной красоте”, – как знаменитый профессор его рассказа “Скучная история”, и – “земному знанию”, как доктор Рагин в рассказе “Палата номер 6”, “вызванный какими-то случайностями из небытия к жизни”, Чехов глубоко постигает красоту религиозного восторга и через этот восторг – красоту и радость *жизни*” [3, 547].

Взгляды на А. П. Чехова как на религиозного писателя будут развиваться в русском зарубежье и после смерти И. С. Шмелева. В 1954 году в Нью-Йорке выйдет книга Б. К. Зайцева “Чехов”. Представления Зайцева о духовной целостности русской культуры позволят автору книги увидеть в Чехове писателя “подземно религиозного”.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. П. Чехов: pro et contra. – СПб, 2002.
2. Цит. по: Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940). – Т. 1. – Писатели русского зарубежья. – М., 1997.
3. Шмелев И. С. Творчество А. П. Чехова / И. С. Шмелев // Собр. соч.: в 5 т. – Т. 7 (доп.). – М., 1999.